

УДК: 821.161.1

DOI: 10.24412/2618-9313-2023-425-48-55

Отражение духовных поисков рубежа XIX–XX вв. в литературном творчестве В. Крыжановской (Рочестер)

ШИМОНОВА Н. В., ПАРХОМЕНКО Я. А.

Для цитирования

Шимонова Н. В., Пархоменко Я. А. Отражение духовных поисков рубежа XIX–XX вв. в литературном творчестве В. Крыжановской (Рочестер) // Телекинет. 2023. N 4(25). С. 48-55

Сведения об авторе

Наталья Викторовна Шимонова, кандидат искусствоведения, доцент кафедры сценарного мастерства Академии медиаиндустрии, Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-4356-870X>

rossetty@yandex.ru

Аффилиация

Академия медиаиндустрии, 127521, Россия, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2.

Сведения об авторе

Яна Александровна Пархоменко, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой сценарного мастерства, Академия медиаиндустрии.

<https://orcid.org/0000-0002-1916-3593>

ivanna2001@yandex.ru

Аффилиация

Академия медиаиндустрии, 127521, Россия, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2.

Заявление об отсутствии конфликта интересов

Автор(ы) не сообщил(и) о потенциальном или явном конфликте интересов.

Аннотация

На рубеже XIX–XX вв. в России и в мире набирали силу различные формы духовного поиска. Европейцы обратились к восточной мистике, оккультизму, эзотерике. Литература конца XIX в. многократно обращалась к теме духовного поиска. Писатели каждый по-своему искали и предлагали ответы или ставили вопросы, обращенные к духовной сфере. Среди ряда авторов особняком стоит имя В. Крыжановской. Статья посвящена изучению творчества писательницы, медиума, мистика, смелого экспериментатора в литературных стилях и жанрах и шире — духовного искателя. В своих произведениях Крыжановская чужда всякой материалистической, рассудочной позиции. Ее романы отражали повседневную жизнь образованных женщин своего времени, демонстрировали, в каком мире они жили, что сформировало круг их занятий, увлечений, строй их мысли, куда направляли они свою чрезмерную эмоциональность и экзальтированность. На примере романов «Адские чары» и «Заколдованный замок» исследуется ее художественный метод, стремящийся выразить парадоксы сложного и противоречивого времени, в котором создавалось ее литературное наследие.

Ключевые слова

эзотерика, оккультизм, спиритизм, фантастика, мистицизм, Блаватская, Вера Крыжановская

Статья поступила в редакцию 30.11.2023.

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Reflection of the Spiritual Quest on the Cusp of the 19th and 20th Centuries in the Literary Work of Vera Kryzhanovskaya (Rochester)

SHIMONOVA, N. V., PARKHOMENKO, Y. A.

For Citation

Parkhomenko, Y. A., Shimonova, N. V. Reflection of the Spiritual Quest on the Cusp of the 19th and 20th Centuries in the Literary Work of Vera Kryzhanovskaya (Rochester). *Telekinet*, 2023, no. 4(25), p. 48-55

About the contributor

Nataliya Shimonova, Candidate of Science, associate professor of the Department of Screenwriting at the Academy of Media Industry, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-4356-870X>

rossetty@yandex.ru

Affiliation

Academy of Media Industry, 105, bld. 2, Oktyabrskaya str., 127521, Moscow, Russia.

About the Contributor

Yana Parkhomenko, Candidate of Science, Head of the Department of Screenwriting at the Academy of Media Industry.

<https://orcid.org/0000-0002-1916-3593>

ivanna2001@yandex.ru

Affiliation

Academy of Media Industry, 105, bld. 2, Oktyabrskaya str., 127521, Moscow, Russia.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

Abstract

On the cusp of the 19th and 20th centuries, various forms of spiritual quest were gaining ground in Russia and the world over. Europeans turned to Eastern mysticism, occultism, and esotericism. The literature of the late 19th century repeatedly addressed the theme of spiritual quest. Writers, each in their own way, sought and offered answers or posed questions related to the spiritual sphere. The name of Vera Kryzhanovskaya stands apart among other authors. The article studies the work of the writer, a medium, mystic, bold experimenter in literary styles and genres and, more broadly, a spiritual seeker. In her works, Kryzhanovskaya is free from any materialistic, rational attitude. Her novels reflected the daily lives of educated women of her time and showed what kind of world they lived in, what formed the scope of their activities, hobbies, their way of thinking, and where they canalized their excessive emotionality and exaltation. Using her novels *Infernal Charms* and *The Enchanted Castle* as a case study, the author of this article explores the writer's artistic method which sought to express the paradoxes of the complex and contradictory time in which her literary legacy was created.

Keywords

esotericism, occultism, spiritualism, fantasy, mysticism, Blavatskaya, Vera Kryzhanovskaya

The Article was submitted to *The Telekinet* in 30th November 2023.

Литература конца XIX в. многократно обращалась к теме духовного поиска. Писатели каждый по-своему искали и предлагали ответы или ставили вопросы, обращенные к духовной сфере. Среди ряда авторов особняком стоит имя сегодня почти забытой, но когда-то очень известной писательницы В. Крыжановская. Возможно, что из всех мистиков той эпохи она известна менее всего.

Творчеству писательницы, медиума, мистика, смелого экспериментатора в стилях и жанрах («первая леди научной фантастики», как охарактеризовал ее в своей статье поэт, историк литературы и кино Е. Харитонов [Харитонов]) и шире — духовного искателя присущи парадоксы сложного и противоречивого времени, в котором создавалось ее литературное наследие. «...В конце 1980-х годов XIX в. <...> было труднее, чем теперь, просто так признать существование духовного мира, ибо физически чувственное со всеми его грандиозными законами ведь было доказано! Трудно было идти против такого рожна!» [Штайнер, с. 236], — писал о грядущей эпохе, в которой предстояло творить Крыжановской, немецкий философ и мистик Р. Штайнер. Однако человек создание такого рода, что ему необходимо иметь что-то сверх данного ему в физическом ощущении. Полное отрицание мира духовного подвигает его, в конечном итоге, на поиски того, что выходит за рамки материи, на поиски чудесного и сверхъестественного. За отрицанием религиозного чувства приходит вера в суеверие. Место Бога занимает его противоположность. Поэтому не вызывают удивления периоды в истории человечества, когда люди после долгого увлечения материальным обращаются к непознаваемому и пытаются выглянуть за пределы видимого мира. Один из авторов альманаха «Оккультизм и Йога» (Парагвай), адресат многих писем супругов Рерихов, доктор А. Асеев в 1961 г. в статье памяти Крыжановской так писал о ее личности и ее творчестве: «Да, в текущем месяце исполнилось ровно сто лет со дня последнего воплощения этой великой души, за это время много повержено кумиров, много ложных ценностей рассыпалось в прах, но даже сокрушительным вихрем пронесшиеся на наших глазах «испепеляющие годы» не умаляют духовного облика этой чудесной женщины. И в душе всех искренних искателей Истины никогда не потускнеет ее образ, даже напротив — очищенный от всей случайной шелухи он делается еще ближе, понятнее и явственнее, а творческое ее обличье раскроется перед нами еще с большей полнотой и силой» [Асеев, с. 4].

Писательница родилась в 1857 г. в семье дворянина Тамбовской губернии, генерал-майора артиллерии И. Крыжановского. Ее мать происходила из семьи аптекаря. В 1871 г. Крыжановская лишилась отца и была помещена в Смольный институт, в котором пробыла только год. В 1872 г. она была переведена в училище св. Екатерины, где проучилась до 1877 г.

Затем был брак с С. Семеновым, камергером, служившим в Собственной Его Императорского Величества канцелярии, рождение и заболевание туберкулезом дочери, почти десять лет жизни в Западной Европе и увлечение спиритизмом. Известно, что Крыжановская с детства интересовалась мистикой и эзотерикой, обладала медиумическими способностями, которые ей часто случалось спонтанно проявлять. Ее муж был известен в своих кругах как спирит. В 1880-х гг. она начала писать, и первая книга «Эпизод из жизни Тиберия» вышла в свет в 1886 г. в Париже.

Любопытно происхождение псевдонима писательницы. Сама она утверждала, что ее произведения диктует ей дух английского поэта Дж. Уилмота графа Рочестера, жившего в 1647–1680 гг. и являвшегося одним из значительных поэтов эпохи Реставрации. Примечательно, что Крыжановская всегда писала на французском языке, а не на английском, как можно было бы предположить, имея в виду дух английского поэта, диктовавшего ей тексты, говоря притом, что находится в эти моменты в бессознательном состоянии.

В своем кругу писательница прославилась и как сильный медиум [Раздьяконов]. Существует легенда о том, что она предсказала трагедию, случившуюся на Ходынском поле в день коронации Николая II, а также и будущую гибель императора в подвале Ипатьевского дома. Случилось это на одном из спиритических сеансов, проходившем в кругу самых близких друзей. О том же свидетельствует и биограф Крыжановской Вс. Нымтак в статье, изданной в Таллине в 1935 г. [Нымтак, с. 10–20]. До 1917 г. она была писательницей очень популярной, слава ее сохранялась в среде русской эмиграции довольно долгое время, особенно в среде тех, кто считал себя принадлежащими к эзотерическому кругу. За литературные заслуги Французская Академия в 1907 г. удостоила Крыжановскую звания *Officier d'académie* и наградила орденом *l'Ordre des Palmes académiques*. В конечном итоге, известность книг Крыжановской на рубеже XIX–XX вв., перекрывала славу многих писателей-классиков. Однако финал ее жизни был трагическим: после революции эмигрировала в Эстонию, поселилась в Таллине, где прожила годы, полные лишений. Ей пришлось работать на лесопильном заводе, и тяжкий физический труд окончательно подорвал здоровье. Больная туберкулезом, писательница умерла в 1924 г. на руках у своей дочери. Городской врач Д. Федоров в газете «Последние известия» от 5 января 1925 г. писал о последних днях Крыжановской: «...Я поражаюсь, до какой степени русское общество холодно, даже можно сказать, бессердечно, отнеслось к страданиям русской же писательницы, находившейся в безвыходном материальном положении». Деньги «на приобретение приличного гроба и креста» выделил городской отдел поощрения Таллинна. «Земля на кладбище также была предоставлена бесплатно. Нашелся священник, который безвозмездно совершил обряд погребения...» [Гайнуллин].

На творчество Крыжановской, вне всякого сомнения, повлияли идеи основательницы Теософского общества Е. Блаватской, книги автора фундаментальных исследований в области спиритуализма французского педагога и философа А. Кардека, французского мага и врача Папюса, жившего на рубеже XIX–XX вв. В литературе Крыжановская наследует традиции романтизма и готического романа (А. Радклиф «Тайны Удольфского замка», Г. Уолпол «Замок Отранто» и др.).

Учение Блаватской дало ощутимый импульс творчеству Крыжановской, тем мистическим экскурсам в ее книгах, которые связаны с осмыслением восточной мистики. Как пишет Штайнер, книги Блаватской в конце XIX в. «волновали и задавали тон» [Штайнер, с. 267]. Откровения о духовном мире, «тело, пронизанное духовным» [Штайнер, с. 275], антропософия, и даже увлечение психологией человека, гипнозом, в котором определенно есть что-то мистическое, что-то от тайных практик — все это образы эпохи, пронизавшие ее культуру насквозь.

В своих произведениях Крыжановская чужда всякой материалистической, рассудочной позиции, она лишь выражала тот мир, который сама переживала, и выражала его убедительно и ярко. Ценность ее творчества в том, что она зафиксировала состояние образованных женщин своего времени, показала, в каком мире они жили, куда направляли свою чрезмерную эмоциональность и экзальтированность. Она продемонстрировала, каким образом свершалась их повседневная жизнь, что формировало круг их занятий, увлечений, строй их мысли. Исследователи обращали внимание двойственность произведений Крыжановской, сочетающим популярное изложение с эзотерикой: «Для оккультной среды, однако, любовная тема имела значимое эзотерическое измерение, благодаря которому использование именно такой популярной формы становилось не только данью потребностям рынка и культурной моде, но и средством утверждения субъекто-ориентированного взгляда на человеческие отношения» [Раздьяконов, с. 48].

Герои Крыжановской не попадают в плен собственных фантазий и обманов, ибо ее творчество чуждо подобных аллегорий. Они находятся в самой настоящей магической реальности. Это не выдумка воспаленного воображения, а реальность, данная ее героям в ощущении, которая в конце не оборачивается шуткой или мороком, но имеет вполне осязаемые и порой довольно тяжелые последствия.

Обратимся к текстам двух романов: «Заколдованный замок», написанному в ранний период ее творчества в 1898 г., и «Адские чары», созданному в 1910 г., в более зрелый творческий период, когда писательница обратилась уже к теме фантастики в своем творчестве и начала создавать пенталогию «Маги». В предложенных произведениях можно ближе познакомиться с миром писательницы, с ее героинями, которые так же, как и сама автор, погружены в мистическое переживание реальности. В романе «Заколдованный замок» автор обращается к теме реинкарнации и борьбы добрых и злых сил за душу каждого человека. Это был тот период жизни писательницы (1880-е гг.), когда она долгое время прожила в Париже, уже много издавалась и имела широкую известность у большой читательской аудитории. Крыжановская была частой посетительницей спиритических сеансов, о ней много говорили, что в свою очередь способствовало популярности писательницы у издателей.

Главные герои романа, действие которого разворачивается во Франции в 1890 г., Алиса, маркиз Беранже, Гюнтер, Ренуар и Мушка уже жили один раз в XV в., в замке Верделе и были соединены личностными узами. В XV в. между ними разыгралась кровавая драма. В XIX в. Лэта драма должна была разрешиться, причем в том же самом Верделе, наследном поместье рода Беранже.

Алиса и Беранже супруги. Алиса примерная христианка, чистая и невинная девушка. Беранже — умеющий пожить бонвиван тридцати с небольшим лет. Мушка — куртизанка, его любовница, дама не первой молодости. Ренуар — сосед Беранже по имению и Гюнтер — благородный немецкий дворянин. Беранже нагло изменяет своей жене, не считая нужным особенно это скрывать. Алиса терпит его измены и страдает. Мушка мечтает развести Беранже с женой и самой стать маркизой. Гюнтер

влюблен в Алису. Казалось бы, совершенно тривиальная история для женского романа. Лишь только Ренуар, довольно странный персонаж, выбивающийся из этого ряда, воображает себя рыцарем Жилем де Савари, подло убитым в XV в. и похороненным в Верделе. Он часто навещает собственную могилу и жаждет мести. Его убийца — Беранже. Ренуар свято в этом убежден.

Далее герои, живущие в 1890 г., обнаруживают старинные записки, оставленные доном Амбруазом, капелланом замка де Верделе, «смирненным братом почтенного аббатства Св. Духа» [Крыжановская II], по которым узнают трагическую историю семьи Беранже.

В процессе чтения романа читатель начинает понимать, что персонажи средневековой истории и герои из XIX в. — одни и те же люди. В «прошлом воплощении» Беранже был чернокнижником и алхимиком, не гнушавшимся ради достижения своих целей даже убийством. Алиса была его женой и жертвой. Мушка была цыганкой Мариам, Ренуар — рыцарем Жилем де Савари, а Гюнтер — Рене де Клорифоном, возлюбленным Алисы, с которой его разлучила судьба и происки чернокнижника Беранже. Когда эти записки были прочитаны (а слушали их все указанные персоны), то Ренуар воскликнул, что все было правдой, что прошлое снова ожило в его памяти и он все вспомнил: «Проклятый барон неожиданно схватил меня и, несмотря на мое сопротивление, поднял над баллострадой. В этот ужасный момент я пережил целую вечность! Пока я висел над пропастью, пока обезумевшая от ужаса душа моя твердила: «Все кончено!.. Ты сейчас умрешь!» — перед моим умственным взором вихрем пронеслась вся моя жизнь... Затем... О!.. Я падаю, все тело мое горит — со страшным страданием разлетается на тысячу атомов!» [Крыжановская II]. Перед нами авторское подтверждение истории о реинкарнации своих персонажей. Зачем же герои вновь встретились? Затем, что не было еще довершено дело спасения или гибели Беранже, который и в новом своем воплощении вел жизнь дурную. И спасти его могла только Алиса.

Новый Беранже (назову так героя, жившего в 1890 г.) подпадает все глубже под власть зла. И способствует этому куртизанка Мушка, которая, в свою очередь, еще более погрязла во грехе, чем Беранже. Мушка гибнет, убитая рукой Ренуара, и мертвой является Беранже, который, конечно, принимает ее за живую женщину: «Это действительно была Мушка. Она была страшно бледна и веки ее имели синеватый оттенок, как это бывает у покойников. Пылающие глаза ее имели непередаваемое выражение, а слегка открытые губы были красны, как кровь» [Крыжановская II].

Бледное существо с алыми губами, явившееся выпить жизнь у своей жертвы и посланное, разумеется, темными силами. Она требует тайны, что совершенно не удивляет. Таково требование любого подобного существа. Жертва хранит тайну, жертва не замечает того, что попадает под воздействие злых сил, жертва не имеет возможности обратиться к Богу, а, значит, она не имеет помощи. Связь с Мушкой, как связь с вампиром, не только лишала его жизненных сил, но и губила его душу. Все вокруг видят, что с Беранже творится что-то не то, один он не замечает неладного. И, наконец, наступает момент, когда Беранже как будто бы умирает.

«Нет никакого сомнения, что маркиза задушил дьявол», говорит служанка Алисе, на что молодая женщина отвечает: *«Но, моя добрая Сузанна, ведь то, что вы говорите — это полнейший абсурд. Мертвые не приходят ужинать с живыми и, в наше время, дьявол никого не душит [выделено мною. — Н. Ш.]»* [Крыжановская II]. Ведь именно такого взгляда — *«в наше время, дьявол никого не душит»* — придерживаются материалисты, многие современники Крыжановской. Алиса остается у одра покойного Беранже и впадает в некое окаменение, в котором видит следующее Мушку. Крест мешает приблизиться призраку к Беранже. Алиса приносит другой крест с частицей Святых Мощей, ее слуга окропляет видение святой водой и призрак исчезает. Крест из ее ослабевших рук падает на голову Беранже и тот пробуждается от летаргического сна, который окружающие приняли за смерть.

А вот как воспринимает происшедшее один из скептиков-персонажей этого романа: *«Итак, отец [речь обращена к священнику, участнику диалога. — Н. Ш.], по вашему мнению, сам сатана вселился в тело этой кокотки, чтобы явиться на любовное свидание к господину Верделе, но вид креста и души из Св. воды заставили дьявола бежать и предать труп разложению? Признаюсь, дорогой святой отец, это объяснение очень просто и, в то же время, очень невероятно. Впрочем, уже давно мнения церкви и науки расходятся по этому вопросу. Вы верите в сатану и боитесь его злобы; мы же, т. е. наука, давно отвергли его»* [выделено мною. — Н. Ш.]. В культурном сообществе конца XIX в. сатана давно уже перешел в разряд легенд и баек для необразованных старух. В позитивистской картине мира того периода не оставалось места ничему нематериальному. Вероятно, Крыжановская не вполне согласна с этим, ибо ее творчество отражает совершенно иные ценности. После летаргии Беранже наступает длительная болезнь, во время которой рядом с ним находится Алиса. Она молится, и эта молитва участвует в борьбе злых и добрых сил за душу Беранже. Эта молитва особенно важна и потому, что в прошлой жизни, в предыдущей реинкарнации, Беранже убил свою жену. Теперь же она — его жертва — молится за спасение его души. Как же происходит эта борьба?

Горячая христианская молитва нравственно чистого человека позволяет ему отрешиться от материального и полностью сосредоточиться на духовном. Страсти и желания, атрибуты греха, ведущие человека к погибели, довлеют над ним при жизни и борются за обладание его душой на смертном одре.

«В эту минуту комнату пронзил яркий луч, похожий на серебряную нить, и отделил группу нечистых духов от остальной части комнаты, а в ногах кровати появилось сияющее существо, чистой и строгой красоты» [Крыжановская II]. Нечистых духов много, и они осаждают умирающего. Противостоит же им воин света, ангел. Быть может, это Ангел-хранитель несчастного грешника Беранже. Именно этому ангелу даны силы побороть зло. Но делает он это с намерением: его призвали молитвы Алисы и молитвы самого Беранже, который видел всю борьбу, что происходила за его душу, который мучился, зная, что гибнет и желал только одного — спасения. Один миг искреннего раскаяния, искреннего желания спастись — и вот грешник прощен. Да, Господь милостив, автор уповаet на это.

Но немало делает и самоотверженная любовь близких людей, как это видно из текста романа. Алиса спасает Беранже. Более того, свой долг она видит гораздо шире. Имея возможность уйти от мужа к любимому и любящему ее Гюнтеру, она отказывается от этого решения.

Беранже возвращается к жизни полностью духовно переродившимся человеком. Своей жене он рассказывает все то, что

пережил и перечувствовал во время болезни, а видел он борьбу между духами света и тьмы за свою душу и «*молил Господа, чтобы он милостиво принял мое раскаяние и защитил меня от зла, которое я вызвал своими грехами*» [Крыжановская II]. И теперь его упования сводятся к жизни «...у семейного очага, в обществе жены и дорогого ребенка, под эгидой Господа», именно так теперь он понимает «единственное истинное и прочное счастье, наслаждение которым не влечет за собой ни горечи, ни сожалений!» [Крыжановская II]. Алиса ни секунды не колеблется в своей добродетели и тем духовно возвышает себя и спасает Беранже. Авторская идея такова: «*Господь ждет обращения грешника, а не его гибели!*» [Крыжановская II]. В романе «Адские чары» автор обращается к реалиям русского общества. Героиня романа Кира принадлежит к разорившейся дворянской семье. Ей приходится зарабатывать себе на жизнь самой, но она тщательно скрывает это перед своими подругами, ведь она не покинула свой круг. Она хочет удачно выйти замуж и находит человека, удовлетворяющего всем ее желаниям — Алексея Басаргина. Для того чтобы женить его на себе, Кира обращается к потусторонним силам. К ним же она прибегает и тогда, когда хочет приворожить другого мужчину — маркиза Керведека. Басаргин погибает, освобождая место для нового мужа. А погибнув — начинает мстить женщине, ввергнувшей его в ад. Керведек помогает жене избавиться от преследований темных сил и притом спасти душу Алексея. В финале Кира совершенно переменяется и теперь ее интерес и интерес ее мужа составляют нравственно чистая жизнь и духовные поиски.

Итак, желая приворожить богатого жениха, Кира обращается к ведьме-чухонке Малейнен. Малейнен пробуждает некие неведомые силы, которые обретают вполне реальную власть над Киroy и над ее судьбой. Это не ночной мир видений и грез, а мир реального добра и зла, мир мести оккультных сил и посильной борьбы с ними.

Мир героини, который описывает автор, отчетливо отражает те реалии жизни, которые окружали саму Крыжановскую: «*Кира получила блестящее внешнее воспитание в одном из модных пансионатов, но ее душой, собственно, никто не занимался. Никто не потрудился вселить в нее религиозно-нравственные начала и убеждения [выделено мною. — Н. Ш.], вложить в ее душу то нечто, которое руководит и поддерживает человека в прихотливых и сложных жизненных испытаниях*». Итак, самое главное в воспитании было упущено: воспитание души. Пустые светские удовольствия, удовлетворение желаний и страстей (то же самое, что почти погубило Беранже) — вот смысл пустой жизни пустого человека.

Киру захватывает желание праздной, роскошной жизни. Духовное отвергается, ведь оно мешает жить в свое удовольствие. Речи о любви даже не идет. То есть Кира отвергает не только какую бы то ни было духовную жизнь, но она отвергает даже самые простые, элементарные человеческие чувства, которые дороги каждой женщине — простую любовь. «*Заручившись «приличным» мужем, можно было развлечься потом маленькой интрижкой, конечно, ловко пряча концы*». Мать Киры, «*тоже много «развлекавшаяся» в свое время*» говорила по этому поводу так: «*Только приличия были бы соблюдены, а остальное никого не касается, кроме Господа Бога*» [Крыжановская I].

В этом описании отражаются те приметы времени и общества, которые хорошо знакомы нам по литературе в целом. Тут и пустое светское общество, и поиск выгод и развлечений, и заключение брака по расчету, и отсутствие сколько-нибудь глубокого воспитания, и семья, не принимавшая никакого участия в формировании личности Киры. Итак, для того, чтобы заполучить хорошего мужа и составить выгодную партию, Кира и обращается к Малейнен. Служанка Киры Настя предлагает своей хозяйке обратиться к оккультным силам.

Малейнен имеет все признаки страшной колдуньи. Она живет у Волкова кладбища. Выглядит она устрашающе и в душе Киры «*суеверный ужас боролся... с скептицизмом и сомнением, но твердое решение довести до конца свою затею не ослабевало*» [Крыжановская I].

Сам магический обряд был жуток. Жалобные стоны и крики сов — вполне подходящие атрибуты для магического обряда. Явившиеся мужчины — призраки, иначе они бы не смогли появиться в доме Малейнен. Глядя на Басаргина, Кира думает: «*Да, это был он, а, пожалуй, и не он...*» Весь обряд к тому же сопровождается совершенно отвратительный «*трупный запах, ужасное тошнотворное зловоние*», которое впоследствии долго будет преследовать Киру.

Далее следует пугающее венчание Киры и Басаргина. Перед нами разворачивается, по сути, сатанинский обряд, на который по глупости и по незнанию решается Кира. «*Вдруг ей показалось, что все вокруг задрожало, затрещало, заходило, бурный порыв ветра распахнул окно, а священник с дьяконом и новобрачный, подхваченные вихрем, поднялись на воздух, подлетели к окну и исчезли в ночной тьме. Порыв холодного ветра опрокинул Киру, и она полетела в какую-то бездну...*» [Крыжановская I]. Сравним это описание вот с отрывком из новеллы А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гаданье» [Бестужев-Марлинский, с. 338]. Полет в бездну, потеря опоры, когда все вокруг «затрещало, заходило» — привычный атрибут тех эпизодов из жизни героев романтической и готической прозы, когда они попадают во власть зла реального или призрачного.

Тот же мотив описывается в романе «Эликсиры сатаны» Э. Гофмана: «*Я взвыл, бросился на колени и крикнул: «Нет Бога, которому я служил бы, ты мой господин, и нет в жизни другого наслаждения, кроме твоих излучений*». Тут засвистели в воздухе вихри, стены задрожали, как от землетрясения, пронзительный звук раздался в моей тюрьме, железные прутья окна раскрошились, и сам я, извергнутый натиском невидимого, очутился на монастырском дворе» [Гофман, с. 112].

Крыжановская писала, ибо не могла не писать. Ее переполняли эти жуткие и притягательные образы. Эмоциональность автора избыточна, рефлексии же нет и в помине. Слишком много образов теснилось в ее сознании, слишком многое происходило в жизни, окружавшей ее. Все духовные течения рубежа веков преломлялись в сознании, захватывали целиком и выливались на страницы ее сверхпопулярных произведений.

Изложенные в них идеи писательницы сохранили актуальность и до сей поры. Скептицизм и сомнение наряду с обращением к оккультизму, эзотерике вполне полная характеристика человека рубежа XIX–XX вв., но, тем не менее, в сложных жизненных ситуациях современный человек готов обратиться к магии. Вера в Бога порой заменяется суеверием, человек обращается к темным силам и, по мнению Крыжановской, это ведет к гибели.

В романе «Адские чары» Кира, прибегнув к магии, получает желаемое и выходит замуж за Басаргина [Крыжановская I]. Но после она желает привлечь другого мужчину, маркиза Керведека, и вновь обращается за помощью к Малейнен. Ее желание опять исполняется, но страшным образом. Темные силы («адские чары») убивают Басаргина. И едва только Кира выходит замуж за Керведека, эти же силы заявляют на нее свои права. Покойный Басаргин является с того света и не дает

Кире спокойно наслаждаться своим новым счастьем. Цветы, которые постоянно приносит ей пришелец из преисподней, издают страшное зловоние. А сам мститель мечтает погубить Киру так же, как она погубила его. Ведь она убила не только его тело, но она ввергла в ад его душу, прибегнув к магии: *«Ты — моя, и моей останешься. Берегись и не смей принадлежать другому, а не то я высосу твою жизненную силу и убью тебя так же, как и ты лишила меня жизни»* [Крыжановская I].

Кира обращается к Малейнен, прося помощи, но Малейнен, начав очередной обряд, гибнет сама. Тогда начинаются поиски того, что может избавить Киру от злых сил. И такой человек находится. Это — тоже маг. Черкес, по имени Шепсу, проживающий в отдаленном ауле. Кира молит о помощи и слышит в ответ: *«Успокойся, несчастная женщина. Спасена будешь, обещаю!»*. Шепсу выполняет свое обещание, прибегая так же к довольно страшному магическому обряду, в результате которого Кире является Басаргин: *«Сгустился призрачный образ, и вдруг перед присутствующими явился, как живой, Басаргин. Голову его окружал широкий круг света. Ни черного дыма, ни трупного запаха не исходило от него; на призрачных чертах лица разлиты были выражения покоя и счастья. Большие, серые глаза его с кротостью и участием глядели на Киру, а на груди сиял огненный крест* [выделено мною. — Н. Ш.]» [Крыжановская I]. У Басаргина на груди сиял огненный крест, как атрибут его очищения и прощения, как символ перехода в новый, лучший мир.

Предмет размышлений Крыжановский, к которому она неизменно обращалась в своем творчестве, исследуя его и пытаясь разобраться, — это невидимый мир. Но как интересно преломлялись в ее поисках магическое сознание, теософия, идеи реинкарнации (мы коснемся их чуть позже), то есть все те духовные искания, которыми были увлечены ее современники. Вместе с тем, эзотерическое творчество Крыжановской это реальность, не подвергаемая сомнению. Здесь страшная сказка перетекает в страшную реальность. Мир духов соседствует с миром людей, и соседствует порой жестоко.

Темные силы, попытки трактовать, описывать их, занимают огромное место в творчестве Крыжановской. Эти силы проявляются то мировым злом, то inferнальной силой, поддающейся укрощению, но укрощению человеком «знающим» (то есть магом, колдуном) и сильным (в данном случае это маг Шепсу). Против темных сил противостоят силы «белой магии», не связанные с традиционным христианством. Не христианский священник-экзорцист изгоняет злого духа, но такой же маг, как и тот, что наслал его на жертву.

Обычный же человек под воздействием темных сил подвергался угрозе гибели, и даже монастырские стены не всегда могли его спасти от этой напасти, ибо без опытного помощника простому человеку тут было не справиться. Например, Настя, служанка Киры, также прибегала к услугам Малейнен, чтобы приворожить жениха — Викентия. Ее история окончилась гораздо более грустно. Настя, пожелав оставить Викентия, тем самым толкнула его на преступление. Он попытался убить ее, после чего попал на каторгу. Настя ушла в монастырь замаливать свой грех, и там ее настигла месть Викентия, который умер на каторге и так же попал во власть «адских чар».

Она высохла и постарела. Кто-то или что-то лишило ее жизненных сил. Когда Кира, волнуясь, говорит, что не может понять причины того, что Господь не прощает Настю, монахиня отвечает: *«Должно, слаба моя молитва, чтобы выволить меня. Малейнен свою душу сатане продала, и ад ей пособляет; значит, колдовство-то это самое окаянное над вами будет навеки вечные»*. И затем Настя рассказала историю новой встречи с Викентием. Однажды ночью Викентий пришел к ней в келью и объявил себя ее мужем. Настя пугается и не осмеливается ему противиться. Викентий является к ней каждую ночь и живет с ней, *«как с женой»*. Но через какое-то время Настя узнает, что Викентий повесился на каторге, то есть совершил смертный неискупимый грех самоубийства. Каждую ночь к Насте приходил мертвец, ведомый злым духом, чтобы взять свое, дабы не только погибнуть самому, но и погубить Настю. Погубить ту, которая положила начало всем этим событиям и с ней, и с Кирой. *«Мучаюсь я, а молчу, Потому, кто мне поможет? Никто. Проклятая я, и должна муку свою нести до конца дней»* [Крыжановская I].

В фольклоре часто встречается следующий сюжет: змей в образе мужа является женщине и вступает с ней в отношения. Конечно, этот образ следует трактовать с точки зрения архаических мифологических систем, когда змей являл собой роль тотемного предка, символизировал собою знание, или нес в себе иной — похожий на указанные — смысл. На определенном этапе образ змея трансформируется в образ мертвого мужа [Козлова, с. 51]. Естественно, что этот образ перекочевал народные сказки. Но тот же самый образ мы встречаем и у Ермолая-Еразма в «Повести о Петре и Февронии Муромских», где змей уже символизирует собой дьявола, в духе христианской традиции.

«Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так <...> будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, каким был это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею» [Повесть, с. 305]. Важно то, что здесь жена не скрывала случившегося с нею *«бесстыдства, о чем даже говорить срамно»*, что дало ей возможность освободиться от зла. Женщина вывела у змея, в чем таится его погибель, выполняя наказ мужа. И родной брат князя Петр змея уничтожил.

Явление покойного жениха или мужа оставшейся в живых невесте или жене, или явление нечистого духа в образе живого супруга, а затем тщательное скрывание этого события, свидетельствует о приверженности женщины ко греху, о невозможности распознать где злое, а где доброе, о чувственной слабости, о неумении покаяться, неумении найти путь к исправлению совершенного.

Настя не смогла искупить совершенный грех, потому что не смогла признать его публично, не смогла принести покаяние своему духовнику, не смогла никому рассказать о страшных явлениях Викентия. Она не просила о помощи, и она ее не получила. Та же самая скрытность чуть не погубила Беранже, когда к нему принялась являться Мушка.

В этом контексте интересную параллель к понятию о двух мирах, присущему творчеству Крыжановской, образуют философские взгляды литератора, профессора Петербургского университета А. Галича, относящиеся к первой четверти XIX в. о природе человека — изначально жить в двух мирах: видимом и невидимом, духовно-нравственном, которому присуща «живая творческая фантазия, воссоздающая сверхъестественное инобытие» [Сдобнов, с. 159].

Мистицизм Крыжановской упирает на невидимые связи добра и зла, мира людей и мира духов, и показывает две дороги:

«плохую» и «хорошую», дорогу к тьме и дорогу к свету. Ведь человек больше не видит, чем видит вокруг себя, такова позиция автора. И, конечно, ему следует указать на его слепоту и, возможно, ему следует показать возможную дорогу к свету. Тогда человек сможет сделать осознанный выбор. Другое дело, что дорога, ведущая к свету и предложенная Крыжановской, вызывает определенные сомнения в своей истинности и хочется задать вопрос: а точно ли именно это — свет? Возможно, это вариация того же самого темного мира.

В творчестве Крыжановской отчетливо отражается вера автора в предложенный ею путь спасения души. Главное, что писательница утверждает своими книгами, то, что путь духовного спасения есть, и он не закрыт, его можно найти и его можно пройти, это вполне в человеческих силах. Она не говорит о безысходности, неизбежности и неискупимости зла. Она говорит о противоположном — о спасении, искуплении и свете, который побеждает тьму.

В произведениях Крыжановской есть много тем, которые еще ждут своего исследователя. Например, ее обращение в период после 1902 г. (в период зрелого творчества) к теме научной фантастики и пенталогия «Маги», в которой ее высказывается не только представление о будущем, но и многие идеи нарождающегося XX в. Она повествует о евгенике, о расизме, о противопоставлении «плохой» и «хорошей» рас и о многом другом, что безусловно достойно внимания и рассмотрения, ибо в творчестве писательницы, после 1917 г. преданном полному забвению, словно в зеркале отразились все общественные тенденции не только рубежа XIX–XX вв., но и прозвучали предвестники грядущих болезней XX в. Духовное из общечеловеческого, из поиска гармонии и мира перетекло в политическую плоскость. Идеи всеобщего блага трансформируются в идеи насилия. Именно поэтому творчество Крыжановской может быть интересно и актуально для исследований в наши дни. Ведь она затрагивает темы, которые не потеряли своей ценности до сих пор, темы, которые и теперь достаточно болезненны.

Творчество — это и способ, и одновременно результат познания мира. Каждый участник культурного процесса вносит неоценимый вклад в наше общее осознание той реальности, в которой мы живем. Каждое забытое имя наносит ущерб всей культуре, ибо нами теряются взаимосвязи. К примеру, А. Меймре, автор статьи о последнем эстонском периоде жизни Крыжановской, отмечает, что «по сей день в творчестве более поздних писателей, например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», исследователи находят реалии, детали, персонажей, которые «заимствованы» из многочисленных романов В. И. Крыжановской-Рочестер» [Меймре, с. 315].

Подытожить все вышесказанное хотелось бы следующим. Творчество Крыжановской является значимым звеном в цепи писателей-мистиков, связывая романтиков начала XIX в., готический роман и мистическое творчество первой половины XX в. Крыжановская была одним из тех редких авторов, которые затронули тему оккультизма и эзотерики в своем творчестве. В полной мере отразила не только мистические, но и общие тенденции своего времени, эпохи Серебряного века. Писательница явилась одним из интерпретаторов темы магии и мистики в литературе. В творчестве Крыжановской удивительно преломилась мистическая составляющая русской культуры начала XX века, отразив предчувствие краха старого мира.

Литература

- Асеев — Асеев А. М. Миссия В. И. Крыжановской-Рочестер // «Оккультизм и Йога» 1961, № 25. С. 3–9.
- Бестужев-Марлинский — Бестужев-Марлинский А. А. Страшное гаданье // Сочинения. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 487 с.
- Гайнуллин — Гайнуллин М. Памяти Веры Ивановны Крыжановской-Рочестер // Газета «Молодежь Эстонии», 2000, 8 февраля. URL: <http://www.moles.ee/00/Feb/08/5-2.html?ysclid=lvotn8izn800392953>
- Гофман — Гофман Э.-Т.-А. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Художественная литература, 1994. Т. 2. 445 с.
- Козлова — Козлова Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: диссертация... доктора филологических наук: 10.01.09. М., 2007. 769 с.
- Крыжановская I — Крыжановская В. И. Адские чары. М., 1998. 400 с. URL: http://az.lib.ru/k/kryzhanovskaja_w_i/text_1910_adskie_chary.shtml
- Крыжановская II — Крыжановская В. И. Заколдованный замок. М., 1998. 400 с. URL: http://az.lib.ru/k/kryzhanovskaja_w_i/text_0080.shtml
- Меймре — Меймре А. Из мрака к свету: по поводу пребывания В. И. Крыжановской-Рочестер в Эстонии // Балтийский архив: русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Ч. 6. 403 с.
- Нымтак — Нымтак В. Биографический очерк // «Оккультизм и Йога». 1961. № 25. С. 10–20.
- Повесть — Повесть о Петре и Февронии Муромских Ермолая-Еразма // Литература Древней Руси. М.: Высшая школа, 1990. 543 с.
- Раздьяконов — Раздьяконов В. С. Литературное творчество В. И. Крыжановской как феномен популярного оккультизма конца XIX — начала XX в. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 1. С. 35–51.
- Сдобнов — Сдобнов В. В. Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления. Тверь: Тверской государственный университет, 2004. 315 с.
- Харитонов — Харитонов Е. В. Первая леди научной фантастики. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_28.htm
- Штайнер — Штайнер Р. Оккультные движения XIX и XX столетий. Ереван: Лонгин, 2005. 394 с.

References

- Aseev, A. M. Missiya V. I. Kryzhanovskoj-Rochester [The mission of V. I. Kryzhanovskaya-Rochester]. *Okkul'tizm i Joga*, 1961, no. 25, p. 3–9.
- Bestuzhev-Marlinskij, A. A. *Strashnoe gadan'e* [Terrible divination]. *Sochineniya v dvuh tomah*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1981, tom 1, 487 p.
- Gajnullin, M. Pamyati Very Ivanovny Kryzhanovskoj-Rochester [In memory of Vera Ivanovna Kryzhanovskaya-Rochester]. "Molodezh' Estonii", 2000, 8 fevralya. URL: <http://www.moles.ee/00/Feb/08/5-2.html?ysclid=lvotn8izn800392953>

- Gofman, E.-T.-A. *Sobranie sochinenij*. V 6 tomah. [Collected works. In 6 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1994, tom 2, 445 p.
- Kozlova, N. K. *Vostochnoslavyanskije mifologičeskie rasskazy o zmeyah. Sistematika. Issledovanie. Teksty: dissertacija... doktora filologičeskijh nauk: 10.01.09*. [East Slavic mythological stories about snakes. Taxonomy. Research. Dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Moscow, 2007, 769 p.
- Kryzhanovskaja, V. I. *Adskie chary* [Infernal charms]. Moscow, 1998, 400 p. URL: http://az.lib.ru/k/kryzhanovskaja_w_i/text_1910_adskie_chary.shtml
- Kryzhanovskaja, V. I. *Zakoldovannyj zamok* [The Enchanted castle]. Moscow, 1998, 400 p. URL: http://az.lib.ru/k/kryzhanovskaja_w_i/text_0080.shtml
- Mejtre, A. Iz mraka k svetu: po povodu prebyvaniya V. I. Kryzhanovskoj-Rochester v Estonii [From darkness to light: about the stay of V. I. Kryzhanovskaja-Rochester in Estonia]. *Baltijskij arhiv: russkaja kul'tura v Pribaltike*. Riga, 2000, tchast 6, 403 p.
- Nymtak, V. Biografičeskij očerok [Biographical sketch]. *Okkul'tizm i Joga*, 1961, no. 25, p. 10–20.
- Povest' o Petre i Fevronii Muromskih Ermolaya-Erazma* [The Tale of Peter and Fevronia of Murom Ermolai-Erasmus]. Literatura Drevnej Rusi. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 543 p.
- Razd'yakov, V. S. Literaturnoe tvorčestvo V. I. Kryzhanovskoj kak fenomen populyarnogo okkul'tizma konca XIX — nachala XX v. [Literary creativity of V. I. Kryzhanovskaja as a phenomenon of popular occultism of the late XIX — early XX centuries]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyj zhurnal o religii*, 2023, no. 1, p. 35–51.
- Sdobnov, V. V. Russkaja literaturnaya demonologija: etapy razvitiya i tvorčeskogo osmysleniya [Russian literary demonology: stages of development and creative comprehension]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2004, 315 p.
- Haritonov E. V. Pervaya ledi nauchnoj fantastiki [The first lady of science fiction]. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_28.htm
- Shtajner, R. *Okkul'tnye dvizheniya XIX i XX stoletij* [Occult movements of the XIX and XX centuries]. Erevan, Longin, 2005, 394 p.